

Факты биографии Ивана Владиславовича Жолтовского неполны и противоречивы. Многочисленные статьи об архитекторе содержат существенные расхождения. В жизни Жолтовского можно выделить три периода: детство, юность и ученичество (1867–1900 гг.); восхождение на архитектурный Олимп (1900–1917 гг.) и советский период, триумфальный и в то же время трагический (1917–1959 гг.). До вершин архитектурного Олимпа Жолтовский не поднялся ни во второй, ни в третий периоды своей жизни, хотя все основания для этого у него, как у самого мощного идеолога традиционализма в архитектуре, были. Ученики Жолтовского боготворили, но власти всегда чувствовали, что он принадлежит другому миру и другой культуре. Они ему не верили, а он их втайне презирал. Со смертью Мастера исчез целый мир.

Ключевые слова: И. В. Жолтовский; биография; разночтения; трагедия мастера; архитектурный традиционализм.

The biographical details of Ivan Vladislavovich Zholtovsky are incomplete and controversial. Numerous articles about the architect contain significant contradictions. There were three periods in Zholtovsky's life: childhood, youth and apprenticeship (1867–1900); achieving fame in architecture (1900–1917) and the Soviet period, which was triumphal and tragic at the same time (1917–1959). Zholtovsky managed to reach the pinnacle of architectural fame neither in the second nor in the third period of his life, though he had every reason to do so, being the most persistent ideologist of traditionalism in architecture. His apprentices idolized him, but the authorities felt that he belonged to a different world and a different culture. They did not believe him, and he had a secret contempt for them. The whole world disappeared with the Master's death.

Keywords: I. V. Zholtovsky; biography; conflicted information; tragedy of the Master; architectural traditionalism.

Три жизни Ивана Владиславовича Жолтовского /

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

*Ты себя в счастливицы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?
Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и проказе?
Хочешь ехать в первом классе,
А не в трюме, в полутьме?
Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время – это испытанье.
Не завидуй никому.*

Александр Кушнер

Иван Владиславович Жолтовский – фигура в русской и советской культуре мощная и трагическая. Он жил долго и прожил три разных жизни. Его проекты и постройки не шокировали новизной формы. В традиционной парадигме новизна – не главное. Достоинства построек Жолтовского, продуманных до мелочей, дореволюционные коллеги-архитекторы понимали и ценили. Но среди них Иван Владиславович не был первым.

Великая Октябрьская революция сломала иерархию в архитектурном сообществе. Часть российской архитектурной элиты эмигрировала, многие в Советской России остались без заказов и средств к существованию, иные попробовали приспособиться к новым порядкам. Понятно, что в 1918–20 гг. ничего не строилось. Дореволюционные высшие учебные заведения упразднили. Организовали новые, которые стыдливо назвали свободными мастерскими. Преподавательская деятельность в Первых и Вторых государственных свободных мастерских, организованных вместо Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Строгановского училища, давала возможность многим архитекторам, художникам, философам и искусствоведам как-то существовать. Образованный в 1920 году ВХУТЕМАС, подобно Ноеву ковчегу, приютил и академистов, и новаторов, и религиозных философов, и марксистов. Но мирное сосуществование в рамках этого ковчега продолжалось недолго. В середине 20-х годов настало время молодых ниспровергателей основ.

Образование, полученное до революции в гимназиях, академиях и институтах давало возможность авангардистам понимать уровень профессионализма Щусева, Жолтовского, Фомина. Но одно дело понимать, другое – принимать их философию. Кредо лидеров ОСА и АСНОВА четко изложено в Интернационале: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...». Профессионализм и мастерство, которым обладали их учителя, оказались невостребованными в новой парадигме архитектуры и жизни.

Советский Авангард ярко вспыхнул на архитектурном небосклоне и стремительно сгорел. И его рождение, и его смерть до сих пор не осмыслены историками архитектуры и философами. И так ли уж виноват Иосиф Виссарионович в смерти Авангарда? Может, энергия отрицания

Three Lives of Ivan Vladislavovich Zholtovsky

иссякла к началу 30-х годов, и эксперименты стали давать отрицательные результаты? Так или иначе, начало 30-х годов XX века – время неоклассики и расцвета ар-деко. Звездный час Ивана Владиславовича Жолтовского, казалось бы, настал. Его мастерство стало вновь востребованным. Но отношение властей к архитектору было прохладным. Пролетарское чутье их не обманывало: он принадлежал к другому миру и другой культуре. Они не верили ему, а он втайне презирал их. Но новая власть могла дать возможность проектировать и строить. А для кого строить, Жолтовскому по большому счету было все равно. Диалог с властью предрержащими получался не всегда, зато ученики Ивана Владиславовича боготворили.

В дружеских шаржах конца 30-х – начала 40-х годов коллеги-архитекторы изображали Жолтовского на коне, в рыцарских латах или в образе гиганта рядом с суеязящими карликами. Ощущал ли он себя рыцарем и гигантом? Вряд ли. Но казаться таковым очень хотел.

На фотографии 1924 года импозантный господин. Властный взгляд. Тонкие губы плотно сжаты. (Товарищ Жолтовский – это не про него: Ваше Превосходительство, господин Жолтовский!). На более поздних фотографиях – привычно-благожелательная улыбка, но взгляд насто-роженный. Между бровями залегла глубокая складка. Так смотрят люди, испытывающие постоянное давление и страх. Может, оттого и работал Иван Владиславович по ночам, что страх выжигал душу и не давал уснуть. Биография у него была не пролетарская, а времена жестокие.

Истинное отношение властей к Ивану Владиславовичу Жолтовскому проявилось, когда в конце 40-х годов он был объявлен космополитом, и началась травля старого архитектора. Жолтовский оказался в полной изоляции, а его учеников уволили отовсюду.

Но в 1949 году дом на Большой Калужской улице получил Сталинскую премию по архитектуре 2-й степени, и политический ветер ненадолго подул в другую сторону. Н. П. Былинкин, впоследствии профессор МАрХИ и автор книг по истории архитектуры, выступая в 1949 году в Ленинграде перед коллегами-архитекторами, долго объяснял им, как вреден космополитизм Жолтовского

для советской архитектуры. В перерыве ему позвонили из Москвы и сказали, что Жолтовский удостоен Сталинской премии. На следующий день Былинкин начал свое выступление так: «Диалектика учит нас, что все имеет свои положительные и отрицательные стороны. Вчера мы остановились на отрицательной стороне творчества Жолтовского, а сейчас давайте посмотрим на его положительные качества». И стал говорить о том, как тонок и глубок Жолтовский, как хорошо он знаком с классической архитектурой и так далее.

Жолтовский умер в июле 1959 года. Казалось бы, его знаменитая мастерская в старинной усадьбе должна стать музеем. Но вдове Жолтовского дали 48 часов, чтобы освободить помещение. Ольга Федоровна что-то увезла в квартиру на Новинском бульваре, что-то свалили в грузовик и перевезли на дачу в Жаворонки. Замазали старинную гризайль под потолком, которой любовался Иван Владиславович. С его смертью была не только разорена мастерская – умер целый мир. Времена, когда одну ордерную деталь архитектор мог рисовать неделю, безвозвратно ушли. Людей, способных оценить тонкости классической архитектуры, сегодня единицы. Архитекторы и активисты «Архнадзора» тщетно пытаются спасти старинные барские усадьбы, деревянные дома с резными наличниками, доходные дома XIX века, советские конструктивистские постройки, сталинский ампиризм и здания советских модернистов. Но кое-кто еще верит, что язык классической ордерной архитектуры не умер и уроки Жолтовского актуальны.

Жизнь первая

Детство и юность в Пинске, годы учебы в Риге и Петербурге (1867–1899 гг.)

По одним сведениям, Жолтовский был белорусом, по другим – евреем. Но факты свидетельствуют о том, что Жолтовский родился в католической семье мелкопоместного дворянина польского происхождения Владислава Жолтовского в 1867 году в Пинске. Дальше в его биографии – сплошные парадоксы и разночтения. В польских источниках написано, что его матерью была Ядвига Савицкая. Отец владел небольшим имением Бродчи неподалеку от Пинска. Кроме старшего Яна

^ Дом Скакового общества в Москве.
Арх. И. В. Жолтовский,
1903–1905 гг.

^ Дом Скакового общества в Москве. Арх. И. В. Жолтовский, 1903–1905 гг.

(Ивана), в семье было еще двое детей: Мария, родившаяся в 1870 году, и Вацлав, который появился на свет в 1895 году. О Марии Жолтовской известно, что она вышла замуж за Зигмунта Скирмунтта, владельца фольварка Альбертово, небольшой помещичьей усадьбы неподалеку от Пинска. А Вацлав проживал в городе Острог на Горуны и был фармацевтом. По одним источникам, брат и сестра Ивана Владиславовича умерли одновременно, в 1939 году. (По другим – сестра умерла в 1933 году). Если верно, что они умерли в 1939 году, это может быть трагическим совпадением, но, возможно, они ушли из жизни не по своей воле. (С 1921 по 1939 год Пинск принадлежал Польше. В 1939 году город вошел в состав СССР. Не исключено, что брат и сестра Жолтовского погибли в сталинских лагерях) [1].

В официальных биографиях Ивана Владиславовича ни слова не говорится о его семье. Жолтовский, как вспоминают его ученики, как-то вскользь упомянул, что отца своего не помнит, поскольку он умер, когда ему было три года. (Если это правда, то можно предположить, что его мать снова вышла замуж и у нее родились в новом браке Мария и Вацлав). Но если верить надписи на могиле Владислава Жолтовского в центре старого римско-католического кладбища в Пинске, отец Ивана Владиславовича умер, когда ему было одиннадцать лет. Но тогда Вацлав мог быть только сводным братом знаменитого архитектора и вряд ли носил бы фамилию Жолтовский, хотя [2] ... В личных беседах Жолтовский на эту тему говорить не любил. По отзывам коллег, он был крайне острожен и единственной темой разговоров признавал архитектуру.

Во второй половине XIX века древний городок Пинск (первое упоминание о нем в Ипатьевской летописи относится к 1097 году) принадлежал России. В городе жило пестрое по национальному составу население. Знаменит был Пинск средневековой Иезуитской коллегией, палладианским дворцом Бутримовича, барочными костелами, монастырем ксендзов-коммунистов и милыми провинциальными домиками.

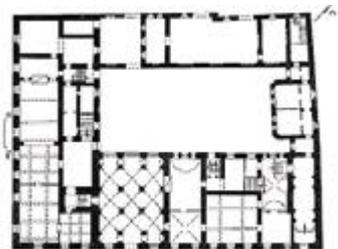
Хочется предположить, что любовь Жолтовского к палладианству идет от детских воспоминаний о самом знаменитом в Пинске дворце. Когда-то за роскошь

и величественный вид дворец Бутримовича в Пинске (Пинский мур) получил от польского писателя Юзефа Крашевского звание «франта на деревне». Вряд ли родителей Жолтовского приглашали во дворец Бутримовича на торжественные обеды и балы. Об этом они могли только мечтать. Но, несмотря на скромный семейный достаток, Иван Жолтовский закончил в Пинске гимназию, затем Реальное училище и получил аттестат зрелости с указанием профессий, которыми овладел: слесарь, столяр и механик. В юности он мечтал стать механиком. Во время каникул ездил помощником машиниста на паровозах и волжских пароходах. Но с четверкой по поведению, которая красовалась в его аттестате, продолжить образование было непросто. Принял его только Рижский политехникум, где он проучился совсем недолго. Обучение в этом учебном заведении шло на немецком языке. Кроме немецкого, Иван Владиславович владел итальянским, польским и латынью. Впоследствии Жолтовский о своем знании немецкого старался не упоминать.

В 1887 году двадцатилетний Иван (Ян) решил поступать в Петербургскую Академию художеств. Конкурс был 600 человек на 13 мест. Как и когда мог молодой Жолтовский подготовиться к тяжелым экзаменам – остается загадкой. Говорят, склонность к рисованию была у него с детства. Но для поступления в Академию художеств рисовать нужно было хорошо, очень хорошо.

Учился Жолтовский на архитектурном отделении Императорской Академии художеств 11 лет (1887–1898). Столь долгий срок обучения был связан с необходимостью самому зарабатывать себе на жизнь. Но было ли это единственной причиной – неизвестно.

С 1885 года всем выпускникам архитектурного отделения присваивалось звание художника-архитектора. В это же время статус звания академика, который ранее присваивался выпускникам Академии, получившим золотую медаль 1 степени и выполнившим архитектурный проект на звание академика, был существенно повышен: он стал присуждаться

^ Дом Тарасова в Москве, 1909–1911 гг.

за выдающиеся работы в области архитектуры. И совершенно не обязательно сразу после окончания Академии. Академиком Жолтовский стал только в 1909 году. Признание профессионального сообщества получили его дом Скакового общества на Скаковой улице (1903–1905), особняки на Введенской площади (1907–1908) и др.

Любопытно, что на занятиях в Академии Жолтовский сидел за одним столом с Александром Николаевичем Бенуа. Любимыми преподавателями были профессора архитектуры Р. А. Гедике и Л. Н. Бенуа, рисунок в его классе вел А. И. Куинджи. С древнерусской архитектурой Иван Владиславович познакомился в классе академика А. О. Томишко.

Работа помощниками в мастерских архитекторов-практиков была распространена у студентов Академии художеств. Это давало и деньги, и дополнительные возможности узнать практическую сторону профессии. Участвовали ученики Академии и в конкурсах. В 1898 году Жолтовский получил золотую медаль в Париже (конкурс на памятник врачу-гомеопату Христиану Ганеману). В этом же году он защитил дипломный проект на тему «Народный дом», включающий в себя столовую, театр и библиотеку. Этот проект в неорусском стиле он выполнил в мастерской профессора А. О. Томишко. А. Н. Фирсова, защитившая диссертацию о творчестве Жолтовского [3], пишет, что в 1900 году Иван Владиславович получил заказ на проектирование доходного дома И. В. фон Бессера в Санкт-Петербурге и выполнил проект в стиле модерн. Но был ли Жолтовский автором проекта дома Бессера или только принимал участие в его проектировании совместно с другими мастерами? Некоторые архивные материалы говорят об авторстве академика архитектуры Александра Мстиславовича Кочетова. Специалист по петербургскому модерну Г. И. Алексеев предполагает, что здание возведено по проекту финского архитектора Карла Аллара Шульмана (1863–1957), губернского архитектора Выборга. В общем, история темная.

В 1900-м году Иван Владиславович решил, что он уже достаточно зарабатывает, чтобы жениться. Избранницей его стала девица 24 лет от роду польского происхождения, католичка Амалия Константиновна Смаровская.

С ней он «обвенчался браком в Санкт-Петербургской римско-католической церкви св. Екатерины».

В начале XX века молодому архитектору нелегко было получить самостоятельную работу. Лучше было начинать практику в провинции. Жолтовского пригласили в Иркутск. Он согласился. Губернский город Иркутск в это время быстро развивался и приобрел статус столицы Сибири. Там, вдали от официальных столиц, у Жолтовского был шанс стать первым. Он мог бы застроить Иркутск изысканными особняками и общественными зданиями, но не случилось. По дороге в Сибирь, во время остановки в Москве он неожиданно получил предложение преподавать в Строгановском училище, которое с радостью принял. Кто предложил ему работу в Иркутске, кто предложил преподавать в Строгановке – неизвестно.

В Москве Жолтовский поселился с женой Амалией в недавно построенном (в 1896 году) доходном доме «средней руки» в Варсонофьевском переулке (дом № 6). Дом этот проектировал Лев Кекушев – один из самых знаменитых и богатых московских архитекторов. Именно в этих стенах рождался проект интерьеров гостиницы «Метрополь», которым в то время был занят Жолтовский. Но интерьеры по проекту Жолтовского осуществлены не были. «Метрополь» сгорел в 1902 году, а проект нового «Метрополя» делали уже англичанин Вильям Валькот и Лев Кекушев. После революции Валькот уехал в Великобританию и впоследствии занимался архитектурной графикой. Его архитектурная карьера закончилась. Лев Кекушев умер, по свидетельству его дочери Екатерины, в 1917 году на 55 году жизни от психической болезни, которой страдал с 1913 года. Существовала легенда, что Кекушева застрелили на улице в Москве в 1919 году.

Жизнь вторая

В этот период Иван Владиславович Жолтовский делает карьеру, путешествует по Италии, женится второй раз Медленно, но неуклонно в своей второй жизни Жолтовский пробивал дорогу на архитектурный Олимп. Семнадцать лет, с 1900 по 1917, Иван Владиславович прожил относительно спокойно. Внешне все было замечательно: Жолтовский много строил, о нем писали архитектурные журналы. Вопрос, конечно, что именно писали. Реакция

> Жилой дом на Моховой,
1933–1934 гг.

прессы была неоднозначной. «Итальянское палаццо», которое Жолтовский выстроил по заказу богатого армянского купца из Екатеринослава Гавриила Аслановича Тарасова на Спиридоновке, вызвало неоднозначную реакцию. Строился этот особняк с 1908 по 1911 год. Г. А. Тарасов умер в 1911 году, и власти предъявили наследникам Георгию и Саркису непомерно большой счет по налогу на наследство, мотивируя его как богатством внутренней отделки, так и огромным количеством рецензий в прессе. Наследники пытались спорить: «Постройка будет богатой, если она сложена из дикого камня, гранита, но та же постройка, сложенная из простого кирпича, которому посредством бетона придан вид глыб дикого камня, будет иметь уже другой характер, то есть не богатый... Внутренняя отделка этих особняков также обычная, исключая плафона потолка, расписанного художником, но и эта отделка совсем не так уж и дорога, что мы можем подтвердить счетами» [4]. В ежегоднике «Московский архитектурный мир» за 1912 год особняк Тарасова назван «сказкой былых времен». Пытаясь снизить налоги на имущество, наследники, конечно, занижали стоимость этой постройки. По разрешению купца Тарасова Жолтовский мог тратить столько денег на строительство особняка, сколько считал необходимым. А задача была – построить самый изысканный дворец в Москве.

В период строительства Иван Владиславович много раз ездил в Италию, чтобы изучать на месте тонкости ренессансной архитектуры. Подрядчики на него злились, поскольку Жолтовский останавливал работы, когда не мог принять нужного решения. Об этом рассказывал К. Н. Афанасьев, который работал с Жолтовским в конце 30-х годов.

После постройки особняка Г. А. Тарасова Жолтовский стал видным архитектором, но не самым богатым и знаменитым. Позволить себе построить особняк в центре Москвы, подобно Шехтелю, Кекушеву или Эрихсону, он не мог. Главными героями в профессиональном мире до революции 1917 были другие мастера. Жолтовский, несмотря на все усилия, оставался на вторых ролях.

Как складывалась семейная жизнь архитектора – неизвестно. Понимала ли Амалия Константиновна своего мужа или его дела ее совсем не волновали, были ли

в этом браке у Жолтовского дети – мы тоже не знаем. Может быть, к 1910-му году Амалии уже не было в живых. Ведь католическая церковь не знает понятия развода по отношению к законному и завершеному браку. Повторный брак возможен только в случае кончины одного из супругов.

В 1910-м году второй женой Жолтовского стала дочь Павла Михайловича Рябушинского – Елизавета Павловна, которая в первом браке была замужем за Александром Геннадьевичем Карповым, внуком Тимофея Саввича Морозова. Иван Владиславович «выкрал» ее и увез в Италию (забавный факт, рассказанный Кириллом Николаевичем Афанасьевым) из самой знаменитой шехтелевской постройки – особняка Рябушинского. Понятно, что для женщины из знаменитого купеческого рода Рябушинских брак с небогатым шляхтичем, католиком был мезальянсом. К тому же в браке с Карповым у нее было двое детей. Что, кроме страстной, но расчетливой любви, мог предложить Жолтовский Елизавете Павловне Карповой (Рябушинской)? Веру в свою миссию в архитектуре? Райскую жизнь в вилле Ротонда Андреа Палладио? Да, он планировал купить эту виллу и даже копил деньги. Но не случилось. Денег не хватало, а заработать архитектурным трудом столько, сколько она стоила, Жолтовский не мог. К богатым родственникам обращаться не позволяла шляхетская гордость. Чтобы осуществить мечту, Иван Владиславович прикупил в Новгородской губернии лес, чтобы выгодно его продать, но ничего не вышло: грянула революция. Рябушинские всей семьей эмигрировали. Елизавета с двумя детьми в 1920-м году из Новороссийска без второго мужа уехала за границу. Неизвестно, развелись ли супруги, были ли в этом браке дети? Или дети у Елизаветы были только от первого брака? Умерла она в 1936 году.

Мог бы, конечно, и Иван Владиславович уехать вслед за ними. Но не уехал. Как жил он в 1917–1918 году в Москве – мы не знаем... Известно, что у него реквизировали автомобиль, что он отбивался от уплотнения своей квартиры.

Революция 1917 года сломала все планы Ивана Владиславовича, разрушила устоявшуюся налаженную жизнь. В 1917 году Жолтовский в свои пятьдесят лет оказался на распутье.

^ Жилой дом на Моховой, 1933–1934 гг.

Третья жизнь

Третья жизнь Жолтовского – с 1917 до 1959 года. (С 50 до 92 лет). Плодотворная осень патриарха. Жизнь «настоятеля «палладианского монастыря» и страстного проповедника

В 1918 году Жолтовский пришел к Ленину с рекомендательным письмом Луначарского, датированным 19 июля: «...Горячо рекомендую Вам едва ли не самого выдающегося русского архитектора, приобретшего всероссийское и европейское имя – гражданина Жолтовского. Помимо своего большого художественного таланта и выдающихся знаний, он отличается еще и глубокой лояльностью по отношению к Советской власти.

Стоя далеко от политики (он беспартийный), он уже давно работает вместе с нами в качестве члена Коллегии изобразительных искусств при Комиссариате просвещения. Во всех вопросах, касающихся архитектуры, художественных всякого рода ремонтов, построек и перестроек в Москве, я очень прошу Вас и вообще Советскую власть обращаться исключительно к нему в качестве советника и эксперта» [5].

Явившись к Ленину с таким письмом, Жолтовский, можно сказать, душу черту заложил. Казалось бы, получил карт-бланш. Новая власть его обласкала. Наконец-то он был первым при дворе, фаворитом в гонке. Развил бешеную деятельность. Какие только должности он ни занимал с 1919 по 1923 год! Жолтовский практически одновременно сконцентрировал руководство ведущими государственными архитектурными организациями – Архитектурной мастерской Моссовета, подотделом (затем отделом) архитектуры Наркомпроса, был назначен главным архитектором Комитета государственных сооружений (Комгосоор) ВСНХ и архитектурным руководителем Особого строительного-санитарного комитета (ОСКОМ). Преподавал во ВХУТЕМАСе, вел домашние семинары-беседы со всеми сколько-нибудь значимыми архитекторами, особенно с учащейся молодежью.

На взлете новой карьеры в 1923 году академик Жолтовский... перепугавшись себя самого и новой власти, уехал в Италию, забрав с собой все свои архивы и фотографии. Что уж там был за предлог для длительной командировки, плавно перетекающей в эмиграцию?

Как раз в это время Вячеслав Иванов обсуждал с А. В. Луначарским проект Русской Академии в Риме, под который давались оплачиваемые долговременные командировки. Кроме этого, предложением могло быть проектирование советского павильона для международной выставки в Милане. Так или иначе, получив длительную командировку в Италию, Жолтовский уехал. Павильон в Милане он спроектировал в русском стиле, вспомнив уроки Томишко.

К 1923 году Иван Владиславович был женат в третий раз на некоей Вере Александровне, которая взяла его фамилию и стала Жолтовской. (Делаю смелое предположение, что ее девичья фамилия – Завадская). Вероятно, она осталась в Москве, а Жолтовский решил вернуться к своей второй жене – Елизавете Павловне Рябушинской.

В 1926 году Иван Владиславович вернулся в СССР, хотя мог остаться в Италии. Карьера никому не известного университетского профессора его не прельщала. Мы не знаем, из каких соображений Жолтовский вернулся, какие душевные муки он испытывал. Может быть, знал о судьбе Лидваля в Швеции и Валькота в Англии?

Он мог бы делать дворцы для итальянской знати, гармоничные и консервативные, но в Италии Жолтовский был неизвестен, и перемены, которые происходили в этой стране, его пугали. В империи Бенито Муссолини сделать архитектурную карьеру не представлялось возможным.

В 1926 году новая экономическая политика (НЭП) в СССР уже дала свои результаты. Были разрешены частные архитектурные мастерские. Иван Владиславович Жолтовский вернулся в Советскую Россию и этим поступком определил свою судьбу. Не будем гадать, что было бы с ним, остался он в Италии. В 1926 году Италия была не самым спокойным местом. Да и где в Европе было спокойно в это время?

В 1927 году Иван Владиславович вновь женился – в четвертый раз. Что случилось с третьей женой Жолтовского Верой Александровной – неизвестно. (Если девичья фамилия Веры Александровны была Завадская, то она стала женой Валентина Сергеевича Смышляева. Первым ее мужем был Павел Антонович Аренский. Умерла она в 1930-м году в возрасте 35 лет).

На этот раз избранницей Жолтовского стала пианистка Ольга Федоровна Смышляева, в девичестве Пушечникова, бывшая в то время замужем за режиссером Валентином Сергеевичем Смышляевым. Он был ее вторым мужем. Первым мужем Ольги Федоровны тоже был Павел Антонович Аренский. Периоды высочайшего взлёта творческой энергии сопровождаются и повышенной эротической энергией в художественной среде. Именно такое время было в первой четверти XX века в России.

Судьба двух первых мужей Ольги Федоровны сложилась трагично. Валентин Смышляев в 1921 году вышел из РКП (б) и примерно тогда же стал членом Ордена тамплиеров (!), который был открыт Аполлоном Карелиным и Андреем Белым в 1920 году. Аполлон Андреевич Карелин известен как видный идеолог и теоретик анархизма. Первыми «рыцарями», принявшими посвящение, чтобы вести пропаганду в собственных кружках, были артисты Ю. А. и В. А. Завадские, В. С. Смышляев, М. А. Чехов, математики А. А. Солоневич и Д. А. Бем, искусствовед А. А. Сидоров, поэт и писатель П. А. Аренский, художники Л. А. Никитин и А. В. Уйттенховен, анархисты Н. К. Богомолов и Г. И. Аносов. Художественную и научную интеллигенцию еще питали иллюзии, что все образуется, они будут работать, просвещать народ, что светлое будущее все-таки наступит... Очень скоро стало понятно, что своей деятельностью «рыцари-тамплиеры» подвергали себя в Советской России смертельной опасности. В ГПУ «неохрамовники» были прозваны «анархомистиками», и в 1929–30 годах начались аресты и репрессии членов ордена тамплиеров.

В 1930 году многие тамплиеры были арестованы. Валентин Смышляев остался на свободе. От ожидавшегося в конце 1936 – начале 1937 года ареста его избавила смерть от инфаркта, последовавшая вскоре после того, как был рассыпан набор его книги по искусству театра и актера, а возглавляемый им Московский драматический театр расформирован. Литератор Павел Антонович Аренский был осужден в 1937 году на пять лет лагерей. Умер в 1941 году в лагере от цинги.

Ни Жолтовский, ни Ольга Федоровна не пострадали.

Ко времени возвращения Жолтовского на родину в 1926 году расстановка сил в профессиональном мире изменилась. Виктор Щусев после завершения строительства деревянного мавзолея Ленина был в фаворе. Молодое племя авангардистов азартно дискутировало на страницах журнала «Современная архитектура». Моисей Гинзбург пропагандировал конструктивизм как проектирование новой жизни. Николай Ладовский экспериментировал с абстрактными геометрическими формами, увлекался психологией восприятия и тектологией Богданова-Малиновского.

Стать «властителем дум» Жолтовский в это время, может, и хотел бы, но не получилось, несмотря на все его усилия. Пришлось вновь довольствоваться вторыми ролями, несмотря на благоволение властей. Мог бы академик Жолтовский проектировать Сталину резиденции, мог бы строить клубы и коммуны, но его время в 1926 году или уже ушло, или еще не наступило. А ведь в 1927 году Ивану Владиславовичу исполнилось 60 лет (!). Известно его знаменитое признание, что только в 60 лет он начал что-то понимать в архитектуре. Когда архитектору 30 лет – это кажется абсурдом. Когда исполняется 60 – многие осознают, что Жолтовский был прав.

В начале 30-х годов Жолтовского приглашали участвовать в самых престижных конкурсах, ему давали возможность и преподавать, и строить, но все-таки в 1926 году из Италии он приехал к «шапочному разбору». Тем не менее, статус «генерала от искусства» у него все же был, была и мастерская, и отдельная квартира... Мастерская была не простая: помещение в старинном особняке,

стены которого помнили Сумароковых, Баратынских, Станкевичей (Вознесенский пер, № 6) [6]. Но академику Жолтовскому дали не весь особняк. Вот Горький, когда он вернулся в СССР, получил шехтелевский особняк Рябушинского целиком... Нет, не так остро был нужен новой власти Жолтовский, как Горький или Станиславский.

Вход в мастерскую Жолтовского был со двора. А через парадный входили представители различных служб Моссовета, не снимая галаш... Символическое соседство.

Иван Владиславович создал в своей мастерской своеобразный «палладианский монастырь». Кабинет был большой и высокий. Рабочий стол стоял на возвышении. Некогда тут был алтарь домового храма Баратынских... Жолтовский окружил себя первоклассными старинными вещами. В его кабинете были фламандские столы XVIII века, украшенные виртуозным маркетри с букетами; кресло Марии Тюдор XVI века, кабинет красного дерева со слоновой костью, сделанный по рисунку Камерона, венецианское кессонэ... Итальянский портрет эпохи Возрождения (портрет Палладио?), голова римской императрицы I века н. э., женская мраморная головка, окутанная прозрачной, переданной в камне вуалью [6]. Александр Георгиевич Габричский, который написал о Жолтовском при его жизни, пожалуй, единственную дельную статью, говорил, что в этой головке Иван Владиславович видел сходство со своей второй женой – Елизаветой Павловной Рябушинской.

Несмотря на прохладное отношение властей, в середине 30-х годов Жолтовский стал одним из главных идеологов архитектуры. Но как и каким образом это произошло? Сказалась ли педагогическая и пропагандистская деятельность Ивана Владиславовича, или Жолтовский понадобился, чтобы «забить гвоздь в гроб конструктивизма»? «Все цветы расцветать» в архитектуре СССР не могли – власти нужно было высочайше утвержденное одно направление в литературе, одно направление в театре и, соответственно, одно направление в архитектуре. Имья ему – соцреализм. Термин придумал Максим Горький, употребив это словосочетание на Первом съезде советских писателей, а после 1934 года социалистический реализм сделался официальной идеологией советского искусства на долгие годы. Были придуманы принципы соцреализма. Один из них – следование великим образцам, соединенное с творческим подходом. Для архитектуры это означало ориентацию на классицизм. Для Ивана Владиславовича Жолтовского настал звездный час. Ему второй раз в жизни позволили потратить столько денег, сколько это было необходимо для создания шедевра. А шедевром должен был стать жилой дом на Моховой.

В мае 1934 года в витринах магазинов на ул. Горького в Москве была устроена выставка архитектурных проектов различных направлений. В книгах отзывов граждане писали, какой они хотят видеть архитектуру страны победившего пролетариата. Понятно, что гражданам конструктивистские проекты не нравились: мещанский вкус доминировал. Эстетика минимализма была мила очень немногим.

Главным экспонатом архитектурной выставки был не проект, а уже возведенный по проекту Жолтовского жилой дом на Моховой улице, напоминающий Палаццо дель Капитано (Loggia del Capitano) в Виченце, построенное по проекту Андреа Палладио в 1571 г. Огромные колонны с композитными капителями, аттиковый этаж, роскошная балюстрада над тяжелым карнизом, широкие окна, двухэтажные просторные квартиры... Это был тот самый «гвоздь в гроб конструктивизма»... И он был забит. Ушли в тень Гинзбург, Веснины, Голосовы... В 1930-м году были напечатаны последние номера журнала Общества современных архитекторов (ОСА).

< Пинск.
Дворец Бутримовича

Молодые выпускники ВХУТЕИНа спешно переучивались. Благо, учиться в начале 30-х годов еще было у кого.

В конце 30-х – 40-х годах один за другим стали уходить из жизни архитекторы, разделявшие любовь Жолтовского к классической архитектуре. В 1936 году умер Иван Фомин, в 1939 не стало Владимира Щуко... В 1949 году умер Алексей Щусев, основной соперник Жолтовского, имевший 4 Сталинских премии (2 второй и 2 первой степени), ордена и медали. В архитектурном мире сменилось поколение. Жолтовскому в конце 40-х годов было уже 80 лет, когда над его головой разразился гром. Обвинение в космополитизме означало, что архитектора лишали возможности преподавать, проектировать и строить. Учеников Ивана Владиславовича выгнали отовсюду. Могли быть и более серьезные «оргвыводы». Но со смертью Сталина компания против «космополитов» стихла. До постановления «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» № 1871 ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 года, которое положило конец эпохе советского монументального классицизма, оставалось всего два года. Это хрущевское постановление следовало бы назвать «Об излишестве архитектуры». Отдаленный результат его – сегодняшняя ситуация в архитектуре.

После 1955 года мастерская И. В. Жолтовского продолжала еще какое-то время работать под руководством «Великого Эстета». Увы, в последние годы жизни Жолтовскому приходилось заниматься типовым панельным домостроением. Но даже проекты типовых панельных домов Жолтовского отличались от того, что создавали другие архитекторы. Минимализм Жолтовского был аристократичен.

Михаил Осипович Барщ, один из учеников Жолтовского, в беседе с С. О. Хан-Магомедовым сказал о Жолтовском так: «На фоне бессмысленной эклектики и отсутствия каких-либо принципов, как-то сразу нахлынувших в архитектуру 30-х годов, он нес ясную и законченную концепцию.» [7].

***

Можно по-разному относиться к творчеству Жолтовского: считать его мастером, заблудившимся во времени, консерватором, ретроградом или величайшим зод-

чим. Но и для его поклонников, и для тех, кто считает, как Дмитрий Хмельницкий, что Иван Владиславович посредственный архитектор сталинской эпохи, он – значимая фигура.

Увы, здания, созданные по проектам Жолтовского, разрушаются и варварски перестраиваются. «Что имеем, не храним – потерявши плачем»? Нет, не плачем, поскольку разучились понимать и ценить Архитектуру.

Литература

1. Генеалогия родов, породненных с Веренич-Стаховскими: род Шоломицких [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum.molgen.org/index.php?topic=1864.0;wap>:

«В 1864 году века одна из ветвей Шоломицких приобрела бывшее монастырское владение Бродче, находящееся к северу от околицы Плотница. Позднее это владение перешло к их родственникам по женской линии Жолтовским герба Огоньчик.

Владислав Жолтовский, владелец Бродчи, был женат на Ядвиге Савицкой. В числе их детей: Мария Жолтовская (1870–1933) жена Зигмунта Скирмунта, владельца фольварка Альбертово неподалеку от Пинска; Вацлав Жолтовский, фармацевт (проживал в украинском городе Острог на Горыне 1895–1939); и самый известный Ян-Иван Жолтовский (1867, Пинск, Белоруссия – 1959, Москва) – русский и советский архитектор, художник, просветитель».

2. Сергей Харевский. Московский архитектор из Пинска [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.istpravda.ru/bel/pictures/2115/>.

«Его отец, Владислав Жолтовский, умер преждевременно, когда сыну было только одиннадцать лет. Его могила до сих пор сохранилась в центре старого римско-католического кладбища в Пинске. Тут же Ян/Иван Жолтовский закончил Пинскую гимназию. Классическое образование, полученное в Пинске, позволило ему в будущем считаться самым образованным и просвещенным архитектором СССР».

Католический орден коммунистов был основан в средние века в Германии. Карл Маркс позаимствовал у них и название, и многие идеи. Назывались они так потому, что жили в коммунах. В Пинске итальянские ксендзы-коммунисты основали монастырь имени Святого Карла Баромея. В 1695 году для них был построен деревянный собор, а в 1770 возведен каменный, тот самый, что видел в детстве Иван Владиславович Жолтовский.

3. Фирсова А. В. Творческое наследие И. В. Жолтовского в отечественной архитектуре XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Москва, 2004

^ Дружеский шарж на И. В. Жолтовского

^ Жолтовский за работой

v Вилла д'Эсте, рисунок Жолтовского 1913 г.

4. Цит. по: Опарин Д. Особняк купцов Тарасовых // Большой город. – 2011, 29 декабря

5. Цит. по: Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов. Организация проектирования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://books.google.ru>

6. Городская усадьба Сумароковых – Энгельгард- Баратынских – Станкевичей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://il-ducess.livejournal.com/309958.html>

7. Цит. по: Хан-Магомедов С. О. Иван Жолтовский. – М.: С. Э. Гордеев, 2010. – 352 с., илл. с. 264

References

Firsova, A. V. (2004). *Tvorcheskoe nasledie I. V. Zholtovskogo v otechestvennoi arkhitekture XX veka* [Creative heritage of I. V. Zholtovsky in the national architecture of the XX century] (Art History Ph.D. dissertation). Moscow.

Genealogiya rodov, porodnennykh s Verenich-Stakhovskimi: rod Sholomitskykh [Genealogy of the families related with the Verenich-Stakhovskies: the Sholomitskies family]. Retrieved from <http://forum.molgen.org/index.php?topic=1864.0>; wap:

Gorodskaya usadba Sumarokovykh-Engelgard-Baratynskkh-Stankevichei [The Sumarokov-Engelgard-Baratynsky-Stankevich's Town Mansion]. Retrieved from <https://il-ducess.livejournal.com/309958.html>

Kazus', I. A. (n.d.). *Sovetskaya arkhitektura 1920-kh godov. Organizatsiya proektirovaniya* [Soviet architecture of the 1920s. Design management]. Retrieved from <https://books.google.ru>

Khan-Magomedov, S. O. (2010). *Ivan Zholtovsky*. Moscow: S. E. Gordeev.

Kharevsky, S. (n.d.). *Moskovsky arkhitektor iz Pinska* [A Moscow architect from Pinsk]. Retrieved from <http://www.istpravda.ru/bel/pictures/2115/>

Oparin, D. (2011, December 29). *Osobnyak kuptsov Tarasovykh* [The Tarasov merchants' estate]. *Bolshoi gorod*.